

ЗАВЛАДНИК

— Я крайне редко читаю газеты, — смеется Тамара Васильевна. — И «МК» уже давно не покупала. А тут купила, случайно. Прочитать не успела, и вы позвонили.

Корни

Родители будущей актрисы «Современника» приехали в подмосковный Калининград работать по найму из Сталинграда. Здесь в атмосфере космических технологий родилась сама Тамара.

— Конечно, родители считали, что я тоже должна пойти по технологической линии. Папа очень хотел, чтобы я поступила в Бауманский, потому что появилась на свет 29 мая, в день рождения Баумана. Я посещала курсы по математике и ходила в МГУ на свободные лекции. Воспитывала меня неграмотная бабушка, которую я, как только пошла в школу, начала учить писать и читать. Так что у нас с ней было такое взаимное обогащение. Я росла в мире сказок, который и стал моим особенным миром. Знаете, как-то по случаю купила сборник стихов Лермонтова еще дореволюционного издания и там обнаружила балладу, которую мне бабушка пела как колыбельную... Она и понятия не имела, что это Лермонтов.

Тамара Васильевна напевает жутковатую песенку, которую я тоже слышала когда-то много лет назад, — про дудочку, которую сделали из тростника, сорванного с могилы девушки, и про историю убийства несчастной.

— И вот под такую колыбельную бабушка меня тихонько в такт убаюкивала.

— Как же вы все-таки угодили в театральное?

— Я закончила школу с двумя четверками и без труда поступила на иняз в педагогический институт. А у нас школьная компания необыкновенно дружная, и вот после поступления мы пошли гулять по Москве — показывать друг другу свои институты. Каким-то образом мы попали в Камергерский переулок. Там висело объявление о дополнительном наборе студентов, и друзья меня подначили: «Попробуй!» А у меня был какой-то репертуар поганенький. Я начала читать стихотворение Агнии Барто, сбилась, что-то придумала на ходу. Меня спрашивают, чьи это стихи? «Мои!» — говорю. Такой дерзости здесь еще не видели. Меня не взяли. «Почему?» — спросила я. «Вы маленькая, подрастаете еще годок». — «А я к вам больше не приду!» И такая тоска на меня напала. Мне так стало обидно, что провалилась! И на следующий день я знала адреса всех театральных, в которые требовались студенты. Да, я провоцировала судьбу. После второго тура меня взяли в Театральное училище имени М.С. Щепкина. Я не сказала родителям, что забрала документы из института и отнесла в Щепку. Папа узнал правду через несколько месяцев и реагировал ужасно: сказал, что я его предала, и целый год со мной вообще не разговаривал. Пришел только на один мой спектакль — дипломный, посмотрел и ушел, так ничего и не сказав. Спустя много лет, когда я уже работала в ТЮЗе, он посмотрел еще один спектакль и сказал: «Ты тут на себя совсем не похожа!»

Сейчас я жалею, что на вручение Госпремии за «Вечный зов» я не позвала пойти с собой маму и папу. В Кремль можно было взять с собой двух человек. Я сама всего боялась, не знала, как себя надо вести, и находилась в полном бреду. Запомнила только, что перед нами премию вручали группе ученых. И один из них вышел, старичок такой, начал говорить благодарственную речь и сбился... А после него вышел, опираясь на палочку, писатель Виктор Шкловский, посмотрел под самый потолок Георгиевского зала и громко сказал: «Надо, чтобы веревка была длинной!» Все оцепенели. «А речь короткой, — тихо добавил он. — Я благодарю правительство».

Помрачение

— Я целиком ушла в этот мир, торчала в училище с утра до вечера. У меня началась какая-то отдельная жизнь. Театр действовал, как опиум, отравлял. Я растеряла всех школьных друзей, потому что мне не хотелось им ничего рассказывать про мир, который помещался внутри меня. Мне действительно был никто не нужен. Мальчик любимый не мог меня поймать — я уезжала в 8 утра и возвращалась в свои Подлипки в полночь с последней электричкой. Он теперь директор фирмы.

— Неужели настолько сильно было отравление, что потребности в простых челове-

«Вечный зов» начал сниматься ровно 30 лет назад, а последняя его серия была отснята 20 лет назад. Десять лет в жизни каждого актера было подарено фильму. Основную магию простой картины о простых людях, ее беспронятность составляет показ качественного анализа души человека, всех ее переломов, канав и взлетов. Поэтому с заслуженной артисткой России Тамарой Дегтяревой мы говорим о вседозволенности человеческих чувств, в диапазоне от любви до подлости. И это только кажется, что жизненные совпадения появляются по большей части из-под пера сценариста, для сюжетных поворотов. В реальной жизни их не меньше.

ских отношениях не возникало?

— Влюбленности были. Гуляли, целовались, а дальше... Дальше — все, мне не надо, потому что это мешало моим отношениям с театром.

Вениамин Иванович Цыганков, мастер курса, был тогда главным режиссером в Малом театре. Он сразу ввел нас в массовку и направил работать по цехам. Я попала в декораторский, туда, где задники расписывают, и в шумовой. В спектакле «Гроза» мы сидели на колосниках, у нас были барабаны, и мы делали шумы. Однокурсник наш Виталий Черменев работал в гримерном цехе, в отделе, где парики делали. Так вот он всем к окончанию сделал реснички. Кстати, я их как-то наклеивала по случаю.

— А не обидно, пришла вроде на актрису учиться, а тебя бац — и шумы делать?

— Вы что? Мы же были в театре. Мы в коридорах видели Ильинского, Жарова, Нифонтову, саму Пашенную! Гениальные актеры, мы все находились под их магией!

У нас был случай, когда всегда очень уравновешенный Цыганков пришел на занятия просто разъяренный. «В чем дело? — возмутился он. — Почему вы не здороваетесь с артистами Малого театра?!» А мы, когда с ними встречались в коридоре, мы в стенку вжимались. Не от того, что хамели, а от того, что не могли!

Зов

— Команда на фильме «Вечный зов» собралась потрясающая, и с режиссерами сложилось интуитивное согласие. Сейчас бы я такого режима не выдержала — было много работы в театре, а фильм снимали на Урале, в Башкирии, городе Белорецк. Сначала надо было добираться до Магнитогорска, а оттуда лететь на маленьком «Ан» до Белорецка. Причем меня никто не сопровождал, мне давали билет, и я летела туда на три-четыре съемочных дня, и снова в Москву. Поначалу актеры, которые жили там постоянно, отнеслись ко мне очень недоброжелательно — что за фифа такая, ждуть, когда она прилетит... И я очень боялась опоздать, потому что в таком случае даже не знала, какой будет реакция. Когда летела обратно, боялась опоздать на спектакль. В театре к моей работе в фильме тоже относились очень нервно, но это так всегда бывает, потому что человек отлучается из города и уже этим заставляет людей напрягаться. Но я каким-то образом успевала. Однажды мне нужно было как раз пересечь на этот маленький «Ан», в который вмещается всего двенадцать человек. И мне не хватило билета. Из Москвы я вылетела часов в шесть утра, а съемки начинались в девять. Я побегала к начальнику аэропорта. «Ну, пожалуйста, — говорю, — отправьте меня как-нибудь, я маленькая, из-за меня перегрузок не будет, у меня

ОНА НАПИСАЛА ОДИНОЧЕСТВО

Тамара Дегтярева: «Я никого не хотела впускать в свой мир»

На съемках фильма «Вечный зов».

съемка...» В конце концов меня сажает на такой же «Ан», который вез мороженое. Всю дорогу я просидела на ледяной коробке с мороженым в морозилке! Пилоты сердобольные дали мне какой-то кусок овчинки, но вылезла я совершенно околеченная.

— Ваша Агата такая, что сейчас таких, наверное, нет. Трогательная и бескомпромиссная, отважная и беззащитная...

— В «Вечном зове» через актеров видно время. И это происходит на грани интуиции, хороший актер его просто читает. Свою Агату я никак не формулировала, это было на грани. Меня воспитала бабушка, человек верующий, и, естественно, — комсомол и школа, где я была редактором радиогазеты. И вот эти два ми-

ворит: «Ты — башкирка». Я отвечаю: «Нет». — «Не-е, ты башкирка...» Она тащит меня за стог и начинает из корзиночки доставать картошечку, сметанку, творог — то есть то, что надо беременной. Короче, там, за стогом, я эту картошку-сметану и съела. То, что осталось, она мне в корзинку положила и отдала. Я ее в автобусе под платьем спрятала и сижу. Кто-то из мужиков, не помню кто, подходит и говорит: «Так, значит, лопаешь одна, когда мы все голодные... Будешь есть в одно лицо, скажем ей, что у тебя там подушка!»

Душа

— Я люблю старые улочки, по которым я бродила между репетициями и спектаклями. Люблю Патриаршие, где мне нравилось сидеть и размышлять. Сейчас там строить этот примус будут, и мне кажется это нелепым. Можно же взять книжку Булгакова и представить все, это намного богаче, чем глазеть на примус. А так — лишая людей фантазии. Однажды мы с подружкой ехали из деревни и заехали в хозяйственный магазин. Это был период перестройки, когда из магазинов все пропало. Вошли. Вокруг кассирши все было завалено маленькими пакетиками синьки. А два огромных прилавка заняли... примусы. Куча медных примусов! Больше ничего. Мы так ошались: «Что, еще хуже будет? Пора покупать примусы?» Поэтому примус я с тех пор воспринимаю как символ убожества и абсолютной бедности. И очень настроенно к ним отношусь: примус — значит, будет обвал. Кстати, я тогда взяла один примус с полки и прочитала у него на боку «made in USSR». Это экспортная серия была! Мы хохотали до истерики.

— Вам приходилось сталкиваться с человеческой трусостью и подлостью?

— Я сама себя часто подставляла своей трусостью и бесхарактерностью. Чего уж о других говорить? Я знаю, что если я обозлюсь на кого-то или оговорю человека, все вернется бумерангом с такой же силой. Все люди идут по одному кругу, и если кто-то подставит подножку впереди идущему, то он упадет на следующего, а тот на «своего» следующего... Представьте, какой силы удар придется на спину тому, кто сделал подножку! Мне эта теория нравится. Обороняться по жизни нужно, а нападать не стоит.

— Театр — механизм сложный. Вы с его беспощадностью знакомы?

— Театр очень жестокая машина. Я вам даже не могу сказать, сколько слез пролила. Однажды лет двадцать назад я рыдала так, что сосед вызвал милицию. Я-то думала, что я одна в своем собственном мире, меня никто не слышит. А человек что подумал — баба ревет все ночи напролет, значит, есть причина, значит, кто-то обижает, избивает, может быть. Пришел участковый. «Кто вас? — спрашивает. — Мы его найдем, мы с ним разберемся». До меня только тогда дошло, что он имеет в виду мои рыдания по ночам. «А вы можете себе представить, что актриса может плакать, потому что роль не получается?» Он на меня посмотрел так внимательно и ушел.

Любовь

— Я вообще влюбчивый человек. Но настоящая любовь без оглядки была только раз. Это было такое чувство: хочу видеть человека, достань, где б он ни был. Я его любила и как мужчину, и как художника. Боготворила. Он сам говорил: «Ты меня придумываешь». Не знаю, может, я и вправду придумала все. А потом нужен был финал, я придумала расставание, то, как мы гордо разойдемся. Без упреков. Как два интеллигентных человека. Разошлись, и он организовал свой театр. Дальше я себе придумала, что никогда больше не выйду замуж. Так и получилось. Может, это максимализм какой-то, но весь мой сценарий сбился. И я не знаю, как его переписать.

— Смотрите, сколько у человека свободного пространства образовалось, как брешь открылась, — целый театр влез!

— Это были счастливые годы. Девять лет брака, когда мы с ним помогали друг другу. Компания была тогда необыкновенно творческая — Вадик Жук, Миша Левитин... Мне страшно вспоминать всех из компании, потому что друзья через одного умерли.

— Вы не вышли замуж, а для него вы какое продолжение сценария написали?

— Он, конечно же, женился. У него есть дочь.

— Завидуете?

— Нет. Горечь внутри.

— От того, что сама это упустила?

— Да. У меня на первом месте всегда был театр. И все казалось — потом все успею, все наверстаю. А в браке это третье звено — ребенок — очень важно. Ребенок соединяет на всю жизнь, как некая планета, которая освещает брак, притягивает людей друг к другу.

Лена МИХАЙЛИНА. Фото автора.